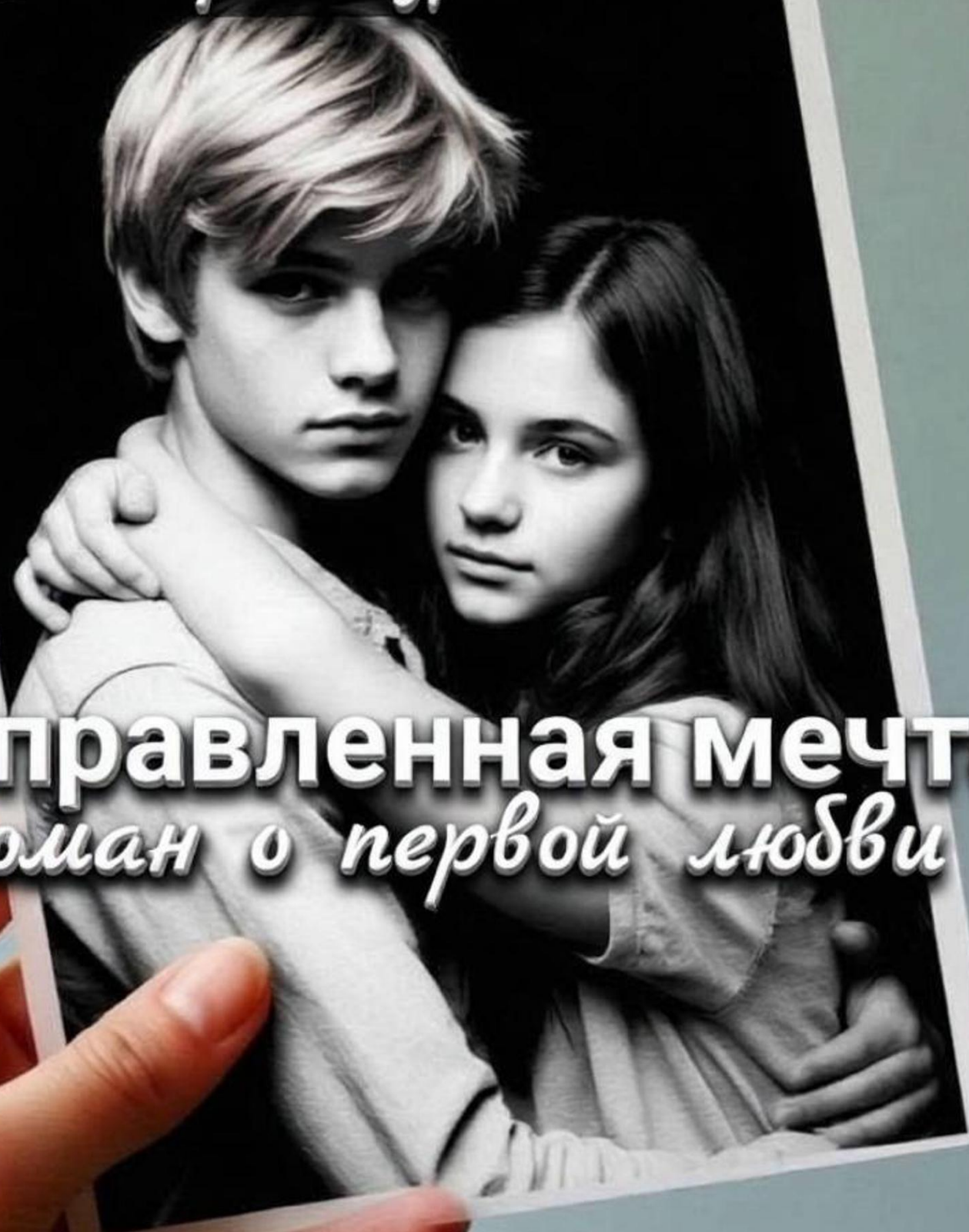

Агорь Журавлев

Исправленная мечта
роман о первой любви

Игорь Журавлев

**Исправленная мечта
(роман о первой любви)**

«Автор»

2026

Журавлев И.

Исправленная мечта (роман о первой любви) / И. Журавлев —
«Автор», 2026

"Исправленная мечта — это история первой любви, которая живёт на границе между реальностью и вымыслом. Это книга, где первая влюблённость становится зеркалом, в котором герой видит не только девушку, но и самого себя — со всеми страхами, фантазиями и надеждами. История, которая заставит вас задуматься: что из ваших воспоминаний — реальность, а что — мечта, которую вы бережно хранили все эти годы? В этой книге то, что было, и то, что могло быть, мечта и реальность, правда и вымысел переплетаются в один сюжет о первой любви двух подростков в последних классах школы. Действие романа охватывает период с декабря 1978 года по июнь 1979, но не все так просто. Не буду рассказывать заранее, а то читать будет неинтересно, но читателя ожидают неожиданные повороты сюжета и загадки, которые придется отгадывать самостоятельно. Да, это история первой любви, но не только...

© Журавлев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Улыбка из прошлого	5
Глава 1. Ультиматум старшеклассниц. Первая странность	7
Глава 2. Синдром восьмиклассника	10
Глава 3. Метафизика женской жалости	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игорь Журавлев

Исправленная мечта

(роман о первой любви)

Пролог. Улыбка из прошлого

Лариса Станиславовна, удобно устроившись в мягком кресле, листала альбом со старыми photographиями. Она всегда доставала его, когда наваливалась особенная, свинцовая усталость. Интуитивно знала: рассматривание этих застывших мгновений из прошлого неизменно отвлечет ее и успокоит, а тяжесть в гудящих ногах уйдет вместе с накопленной за день усталостью. Дочь, которая сейчас мерно ходила по комнате у нее за спиной, укачивая на руках никак не желавшего засыпать внука, иногда полусхути называла эти бдения над альбомом «сеансами аутотренинга». Смех смехом, но старые фото и правда помогали Ларисе лучше любого «Афобазола», так навязчиво рекламируемого по телевизору. В них была жизнь — настоящая, непричесанная, еще полная надежд.

Она вглядывалась в пожелтевшие карточки, и прожитые десятилетия словно осыпались с ее плеч сухой шелухой. Вот лучшая подруга детства и юности Ленка Герасимова — вечная заводила, мотор любой компании. Ленка, а вернее, давно уже Елена Владимировна, счастливая мать троих детей. Иногда они созваниваются, порой встречаются, вместе ходят в баню по четвергам. Но у нее давно своя жизнь, своя семья, дети, заботы и семейные интересы.

Вот еще одна подружка, Алла — третья в их неразлучном некогда трио.

— Царствие тебе Небесное, — прошептала Лариса, глядя на улыбчивое лицо подружки и украдкой крестясь.

Алла ушла совсем молодой. Она первой из них выскочила замуж за парня на несколько лет старше, и не прошло и года, как он убил ее. Вернулся как-то домой пьяный и приревновал — безумно, дико и, как потом выяснилось, совершенно безосновательно. Обычная бытовуха, как сказал бы тоже уже три года как покойный муж Ларисы, всю жизнь прослуживший опером в райотделе: несколько ударов кухонным ножом, и Алка навсегда осталась двадцатилетней.

На следующей странице они были запечатлены все втроем — такие дерзкие, смешные и до смешного уверенные в своей взрослости. Здесь им по семнадцать, и какие же они красивые! Это был их выпускной вечер. Лариса Станиславовна засмотрелась на снимок, вспоминая колючее волнение той ночи: как целый месяц шили платье в ателье по выкройке из дефицитного журнала, как ездили с мамой и отчимом в Москву за заветными «модными» туфлями... Она так погрузилась в воспоминания, что не заметила, как из альбома выскользнуло другое фото и, плавно спикировав, приземлилось прямо под ноги дочери.

Та, стараясь не потревожить только что засопевшего сына, тихонько присела на корточки и подняла находку.

— Мама, — шепотом спросила она, — а с кем это ты здесь? Такая... сияющая.

Лариса взяла протянутый снимок, и сердце ее пропустило удар. Сколько же прошло с тех пор? Сорок лет? Вечность. На снимке они стояли в обнимку с Егором, улыбаясь прямо в объектив, будто спрашивали у нее сегодняшней: «Ну, как ты там, в нашем будущем?». Лариса Станиславовна непроизвольно улыбнулась им в ответ, глаза ее заблестели, и она словно провалилась в то далекое, залитое солнцем лето. На мгновение ей даже показалось, что она физически ощутила нежное касание его горячей руки на своей талии. Глупости, конечно... но память тела оказалась сильнее логики.

— Его звали Егор, — ответила она дочери после долгой паузы. — Егор Соколов.

— Ты любила его, мама? По-настоящему?

— С чего ты это взяла? — Лариса попыталась придать голосу будничность.

— Я же вижу, как ты на него смотришь. И какая ты счастливая на этой фотографии. По-особенному счастливая.

Лариса вздохнула и, потянувшись, ласково погладила склонившуюся над ней дочь по плечу.

— От тебя ничего не скроешь... Да и что тут скрывать? Это была моя самая первая, самая большая и бесшабашная любовь. Я просто с ума по нему сходила, дышать без него не могла.

— Ничего так, симпатичный, — по-своему оценила дочь ее спутника на фото. — Почему тогда не поженились?

Лариса долго молчала, глядя в окно на огни ночного города.

— Долго рассказывать, дорогая. В жизни не всегда все складывается по законам кино. К тому же, — она хитро подмигнула, стараясь скрыть нахлынувшую грусть, — поженись мы с ним тогда, и тебя бы на свете не было.

— А как же папа?

— Твоего папу я тоже любила, дочка. Ты не думай. Но это было уже совсем иначе. Совсем другая история.

Она аккуратно, почти благоговейно вложила фото в прозрачный уголок альбома и закрыла обложку, словно запечатывая портал в прошлое.

— Давай я уложу внука, а ты иди, умывайся и тоже ложись. Поздно уже.

Через полчаса в квартире воцарилась тишина. Спали все, кроме Ларисы. Она еще долго ворочалась в темноте: фотография с Егором разбередила душу, подняла со дна памяти почти забытые уже воспоминания тех юных лет. Воспоминания юности крутились в голове пестрым калейдоскопом и никак не давали забыться. Только уже под утро, когда небо за окном начало едва заметно сереть, ей удалось, наконец, задремать.

И был ей сон.

Глава 1. Ультиматум старшеклассниц. Первая странность

Декабрь 1978 года выдался в нашем городке на редкость снежным и кусачим. Мороз под тридцать пробирал до костей, но внутри старой школы жизнь была ключом. Величественное здание еще дореволюционной постройки с толстыми стенами и огромными окнами внутри напоминала растревоженный муравейник. На большой перемене здесь стоял такой гул и топот сотен ног, что порой не было слышно собственного голоса. Воздух в коридорах, пропитанный специфическим школьным запахом — смесью хлорки, мастики для пола, мокрых пальто из гардероба на первом этаже и аромата вкуснейших булочек по восемь копеек, что привозили в столовую из соседней пекарни, — казался плотным, почти осязаемым.

Егор Соколов, ученик восьмого класса, не спеша, шагал к кабинету физики на третьем этаже. Он чувствовал себя вполне уверенно в этой школьной реке. Его мысли были заняты предстоящей тренировкой по боксу в клубе имени Ленина и новостью о вышедшем новом диске группы «Smoke», магнитофонную запись которого обещал принести приятель из параллельного класса. Он шел, привычно поправляя на плече длинный ремень спортивной сумки, служившей ему вместо школьного портфеля, когда путь внезапно преградили три девушки.

— Это ты Егор Соколов? — спросила та, что стояла в центре.

Егор удивленно поднял голову. Перед ним стояли десятиклассницы, почти взрослые женщины, с его точки зрения, — выпускной класс, на целых два года старше. А два года в ранней юности — это не просто разница, это целая вечность. Это как для него сейчас шестиклассницы — какая-то сопливая мелочь, прыгающая через скакалки, на которую он даже не смотрит.

Он видел их и раньше: эта троица всегда держалась вместе, выделяясь среди школьной толпы каким-то особым, дерзким лоском. Две были «ничего так», вполне себе симпатичные по его внутренним меркам. Третья — не то чтобы дурнушка, вовсе нет, но совершенно не в его вкусе. Егор вообще был парнем разборчивым в отношении девчонок. На вкус и цвет, как известно, товарищей нет, и он осознал это довольно рано. Бывало, смотрит вся страна по телевизору на какую-нибудь актрису — пацаны слюни пускают, мол, эталон красоты. А Егор равнодушно переводит взгляд на второстепенную героиню, поскольку именно она на его вкус в этом фильме самая красивая. Или когда пацаны обсуждают какую-то красивую, с их точки зрения, девчонку, а он, опять же, не видит в ней ничего особенного, если бы был один — прошел мимо и внимания не обратил. Вот примерно и здесь такая же точно история: третья подруга была вовсе не уродиной, но и красивой Егор ее никогда бы назвать не решился. Хотя кто-то наверняка был в полной уверенности, что это именно она и есть единственная красотка среди стоящей перед ним и рассматривающей его с интересом троицы подруг.

Девушка пониже, остановившая его и, несмотря на то, что вместе с каблуками и взбитыми волосами на макушке ростом была ему чуть выше плеча, как-то умудрявшаяся (чуть прищуренные подведенные глаза, чуть сморщенный носик, чуть подернутые в усмешке уголки губ) смотреть на него сверху вниз, словно снисходя со своих заоблачных высот и одаривая редким орденом, кивнула на свою подругу, стоявшую рядом и рассматривающую свою обувь, и вызывающе объявила:

— Это Ольга. Ты ей нравишься, понял?

И опять, с этой плохо скрываемой насмешкой, прищурившись, уставилась на него, ожидая реакции. Наглая как танк, за словом в карман не полезет, сразу видно. Но сама ничего так, ничего... Стоп! Она что-то ему сказала?

— Э-э-э-э... — протянул Егор, восстанавливая в памяти ее слова, тут же удивляясь им и не в силах сообразить, что ответить, настолько это все случилось неожиданно. Он взглянул на ту, о которой ему сказали, что он ей нравится и...

Вот лично вы верите в любовь с первого взгляда? Наверняка верите. Все в глубине души верят, хотя взрослые скептики называют ее «гормональным всплеском», а психологи — «дотраиванием образа». Но что происходит в ту секунду, когда твой взгляд сцепляется со взглядом другого человека и внутри что-то с щелчком встает в пазы, словно для этого и предназначенные? Это уже любовь или просто химия, которая выветрится к следующему уроку? Автор не знает. Но с Егором случилось именно это. Классика жанра: тотальное поражение когнитивных функций мозга.

Едва взглянув на представленную ему Ольгу, Егор сразу поплыл. До этого мгновения он считал себя парнем не промах — на ринге не пасовал перед тяжами, на районе его знали как человека, который за словом в карман не лезет и может ответить за базар. Но тут словарный запас восьмиклассника Соколова схлопнулся до уровня питекантропа.

Ольга была прекрасна той особенной красотой, которая стоит выше любой моды. По внутренней шкале Егора она мгновенно выбила максимальный балл. «Самая красивая в школе», — успела пронестись здравая мысль, но ее тут же перекрыл другой голос. Громкий и уверенный голос, взрослый, словно пробившийся сквозь толщу лет: «Бери выше, пацан! Самая Совершенная Во Времени и Пространстве. Сокращенно — ССВВиП. Твоя единственная. Не смей ее терять снова!»

Егор тряхнул головой. «Это что сейчас было?» — панически вскрикнул здравый смысл. «Это судьба, тормоз», — издевательски хохотнул внутренний суфлер. И Егор не стал спорить. Он с жадностью исследователя осматривал дар Божий, сам падавший ему руки. Странная мысль для восьмиклассника, согласитесь? Но именно так он и подумал, ничего не могу с этим поделать.

Ольга была выше своей бойкой подруги, но все же значительно ниже Егоровых ста восьмидесяти шести сантиметров. Каштановые волосы, выющиеся по плечам — блестящие, живые. Коричневое платье школьной формы с накрахмаленным белым воротничком, подол которого был чуть короче школьных правил (что поделать — мода!), открывая стройные ноги. Не такие, чтобы прям запредельно длинные, но идеально пропорциональные. А грудь... Грудь была, глаз радовала и сердце волновала, — это все, что он мог сказать по этому поводу. Размер Егора не то чтобы совсем не интересовал, но не был он и фанатом «больших мячей», если вы понимаете, о чем речь. Однако сам факт наличия форм у этого небесного ангела вызывал в нем сладкое и пугающее волнение.

Лицо Ольги ставило восьмиклассника в тупик. Если бы его попросили описать внешность Ольги, он бы не смог, твердя лишь одно: «Просто очень красивая». Надо сказать, что потом ни один из его знакомых так и не смог придаться к внешности девушки. Лишь пара придурков намекала, что грудь могла бы быть и побольше, но кому интересно мнение придурков, верно?

«Хорошо, что она, а не та, третья», — отстраненно подумал Егор, пытаясь разблокировать речевой аппарат. В голове бурлил винегрет из книжной классики и дворовых прибауток. Он еще раз выдал «Э-э-э-э» и окончательно завис.

Девушки продолжали смотреть в упор. Подруга-переговорщица шурилась — видимо, зрение было никудышное, а очки носить статус не позволял (Да и откуда, между нами, красивые очки в провинциальном городке конца 70-х? Их и в Москве-то днем с огнем не отыщешь).

Ольга же смотрела с вызовом, за которым пряталось слишком явное смущение. Скулы напряглись и порозовели — она наверняка боялась, что губы задрожат. И Егор вдруг парадоксально подумал, что он уже видел все это тысячи раз, откуда-то припоминая вкус ее губ. Да, что за чертовщина?

Пауза между тем затянулась. Звонок на урок бабахнул над ними, как выстрел из стартового пистолета. Бойкая девица, поняв, что Егор временно недоступен, произнесла внушительно:

— Она тебе напишет записку. Жди!

И, решив, что парень совсем затупил, на всякий случай уточнила:

— Ты понял меня или нет?

— Да, — Егор наконец-то услышал собственный голос, но так, словно со стороны, будто это не он говорил. — Я понял.

А потом — и это было абсолютно на него не похоже, — сделал решительный шаг к Ольге. Чуть улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, и произнес то, от чего его собственное «я» где-то глубоко внутри забилося в панике:

— Тогда, может, поцелуемся, раз такое дело?

Ольга в шоке замерла, подруги за спиной синхронно охнули. А Егор сделал еще один маленький шагок и ловко чмокнул ее в полыхнувшую жаром щеку, даже не в щеку, а самый уголок приоткрывшихся в удивлении губ. Запах ее волос, знакомый с детства, ударил в нос. Что это опять, с какого еще детства?

— А... — только и смогла выдохнуть Ольга, поднося руку к губам, и лицо ее сравнялось с цветом пионерского галстука. Которого, впрочем, на ней не было, лишь комсомольский значок поблескивал на лямке черного, повседневного школьного фартука.

Егор продолжал улыбаться, не сводя с нее глаз, внутренне пребывая в полнейшем шоке от содеянного. Но раз уж сделал такое, то надо держать марку.

— Ого, какой наглый мальчик! — задумчиво протянула «переговорщица», в глазах которой надменность сменилась искренним интересом. — Ладно, посмотрим, что из этого получится. Пошли, девчонки, а то на литру опоздаем.

Троица развернулась и зацокала каблучками к лестнице. Отойдя на несколько метров, они одновременно обернулись, посмотрели на него и дружно засмеялись. Егор остался в почти уже пустом коридоре. Уши горели, сердце выпрыгивало из груди. Он не понимал, как он это сделал. Как посмел? Это было невероятно. Это было поведение не Егора Соколова, восьмиклассника, а какого-то опытного ловеласа. Словно в него на минуту вселился дух взрослого мужчины, знающего, что девушкам нравятся смелые парни, особенно в этом возрасте.

— Соколов, тебя за руку в класс заводить? — раздался насмешливый голос учительницы химии, Валентины Александровны. В ее интонации явно слышалось одобрение: «Ишь ты, каков наглец, а?!».

Егор побрел в класс, чувствуя: мир никогда не будет прежним.

Глава 2. Синдром восьмиклассника

Бухнувшись на свое место на задней парте, Егор на автомате вытащил тетрадь по физике. Его лучший друг, Вовка Кузьмин, в миру просто Кузьма, тут же попытался вцепиться в него мертвой бульдожьей хваткой.

— Сокол, а чего это было-то, а? Чего они от тебя хотели? — жарко зашептал Кузьма, брызгая слюной от возбуждения.

— Отлезь, — Егор досадливо отмахнулся. — Потом расскажу. Не до тебя сейчас.

Кузьма обиженно засопел, но Егор не обратил на его недовольство никакого внимания. Ему нужно было срочно разложить по полочкам только что случившееся с ним и при этом не укладывающееся в рамки привычного.

Кем Егор Соколов точно не был, так это идиотом. Кое-какой опыт общения с противоположным полом у него имелся, и он не был таким уж примитивным, как у большинства одноклассников, типа хождения за ручку по улицам города. Егор знал, что обычно парни постарше гуляют с девчонками помладше, но не наоборот. И чтобы десятиклассница, которой наверняка уже семнадцать, которой скоро получать аттестат зрелости и уходить во взрослую жизнь, заинтересовалась им, восьмиклассником, — сопляком, с ее точки зрения... Разве так бывает?

«Розыгрыш, — упрямо твердил здравый смысл. — Сто процентов поспорили на что-то. На коробку конфет или на помаду». Девчонки, они такие — коварные, Егор это уже знал. Могли выбрать самого заметного восьмиклассника и устроить цирк, чтобы потом всей толпой посмеяться. Может такое быть? — Ну, не знаю, — обдумав, сам ответил себе, — сложно как-то, но все равно странно.

Егор вспомнил, как часто его сумка оказывалась спрятанной в женском туалете. Девчонки вечно подшучивали над ним таким странным образом. Он уже привычно заходил туда под возмущенные визги и крики, чтобы забирать свою сумку, обычно сиротливо лежащую на трюмо с большим зеркалом. Хорошо еще туалетные кабинки находились в следующей комнате, а эта было чем-то вроде прихожей, где девчонки прихорашивались.

Зачем они прятали его сумку? Он терялся в догадках. Завуч, дородная женщина с мудрыми глазами, только посмеивалась, когда Егор поначалу приходил к ней с просьбами вызволить сумку. Кажется, она знала какую-то тайну о женской природе, до которой Егор еще не дорос. Впрочем, скорее всего, таким образом проявлялась подростковая заинтересованность. Так, может, вот эта троица его так разыгрывала?

«А если не розыгрыш?» — сердце вновь ёкнуло. И в памяти услужливо всплыла совсем недавняя история. Да, Надька же, елы-палы! Десятиклассница из третьей средней их небольшого провинциального городка. Он гулял с ней осенью, совсем недавно, месяца не прошло, как расстались. Или чуть больше уже? Как он мог забыть, там ведь тоже инициатива исходила именно с ее стороны! Егор расстался с ней довольно резко, соврав, что полюбил другую, хотя на самом деле Надька просто начала его утомлять своей навязчивостью. То есть, прецедент был! Значит ли это, что он, Соколов Егор, представляет собой тот самый тип парня, который почему-то выбивается из общего ряда и притягивает тех, кто старше? Ну, наверное, да, раз уж это второй случай. Да и выглядит он постарше своих лет на фоне одноклассников...

Эта мысль его немного успокоила и даже польстила самолюбию. Каждый подросток втайне мечтает быть «не таким, как все», быть особенным. И если одна десятиклассница уже западала на него, то почему бы и другой не втюриться? Он поморщился. Само слово «втюриться» применительно к Ольге Егору не понравилось. Оно отдавало чем-то дешевым, школьным, детским. А ему хотелось верить, что это то самое чувство — взрослое, глубокое, настоящее, которое на всю жизнь. Хотя, конечно, в пятнадцать лет верить в «вечную любовь» —

занятие наивное, но именно в этом возрасте в нее и верят, разве не так? — Опять этот внутренний голос словно бы взрослого человека внутри...

Объективно говоря, Егор знал себе цену. Рост — метр восемьдесят шесть, телосложение спортивное, лицо, на которое девчонки заглядываются даже на улице. Нет, он не был самолюбленным нарциссом, если кто-то вдруг так подумал. Наоборот, Егор уже успел подметить одну неприятную закономерность: те из девчонок, кто ему нравился до безумия, обычно оставались к нему холодны как лед, а липли те, к кому он не испытывал ровным счетом ничего. Жизнь вообще казалась ему несправедливой штукой в плане распределения симпатий. И вот теперь — такая удача: девушка невероятной красоты с лицом ангела, сама делает первый шаг. Должен же быть хоть какой-то подвох! Или нет?

А еще этот его поцелуй, словно кто-то другой в нем управлял его телом... словно на минуту он потерял управление и за руль сел посторонний... нет, не посторонний, будто бы он сам, только старше. Егор не стал на этом заикливаться, в глубине души откуда-то зная, что не надо в этом копаться, как-нибудь само рассосется. Наверное.

В голову зачем-то полезли мысли о деньгах. Родители Егора были простыми работягами, бюджет семьи рассчитывался до копейки. Мать выдавала ему двадцать копеек в день на школьные обеды.

«А вдруг она в ресторан захочет?» — мелькнуло в сознании. В ресторанах Егор еще не бывал, только в кино видел.

«Тьфу ты, бред какой», — Егор тряхнул головой. Какие рестораны, он же в восьмом классе! Будут по парку гулять под ручку, как все. Если вообще будут...

Урок тянулся невыносимо медленно. Учительница несколько раз бросала на него строгие взгляды, явно подозревая, что мысли Егора парят где-то далеко за пределами законов физики. Кузьма рядом суетился, возбуждаясь от любопытства, то и дело толкал локтем, пытаясь подсмотреть, что там Егор чертит на полях тетради. А Егор чертил букву «О». Слушайте, ему всего пятнадцать лет, что вы от него хотите!

Заткнись! — мысленно ответил Егор подшучивающему внутреннему голосу.

На перемене его перехватила пятиклассница в наглаженном школьном платье. Девочка выглядела крайне важной, будто доставляла секретный пакет в ставку главнокомандующего. Она сунула ему в руку сложенный вчетверо листок бумаги, хихикнула и быстро скрылась за углом.

Егор почувствовал, как пальцы начали мелко дрожать. Он развернул записку. На четвертинке тетрадного листа в клеточку красивым, чуть наклоненным вправо почерком было выведено: «У нас сегодня вечер в 6 часов. Приходи, если хочешь. О.»

Мир в глазах Егора покачнулся, сердце отчаянно заколотилось, Егор дважды перечитал текст, и аккуратно сложив записку, задумчиво убрал ее в карман. Он знал, что сегодня у десятиклассников вечер, посвященный предстоящему Новому году, и там будет играть школьный вокально-инструментальный ансамбль. Объявление об этом висело на первом этаже. Вот только как он, восьмиклассник, будет чувствовать себя среди десятиклассников? С Надей, например, они только по улицам гуляли, иногда заходя к ней домой, когда родаков не было, чтобы нацеловаться всласть в тепле и уюте.

Однако мысли о том, чтобы игнорировать приглашение, у Егора даже не возникло. Но надо было кого-то взять с собой для храбрости, все же одному как-то стрёмно. Пожалуй, как ни крути, лучше всего подойдет Кузьма, его самый преданный друг, поскольку остальные могут на такое дело и не подписаться.

— Вован, — Егор схватил Кузьму за плечо, когда тот уже собрался бежать в столовую. — Слушай, ты мне друг или нет?

— Друг, конечно, — подозрительно прищурился простодушный Кузьма. — А чего надо-то? За тебя покурить сходить?

И он заржал собственной нехитрой шутке.

— Сегодня в шесть вечера я иду на вечер к десятиклассникам. Ты со мной?

Вовка Кузьмин, пацан надежный, но в любовных делах фатально невезучий, задумался. Единственный его опыт с противоположным полом закончился крахом, когда староста класса Фомушкина пыталась «взять его на буксир» по учебе через имитацию свиданий. Вовка в тот раз, помнится, только раз глянув на пионерскую грудь старосты, выдающуюся на фоне всех без исключения сверстниц, и являющуюся предметом их тайной зависти, был сражен сразу и наповал. Счастье его, однако, продлилось недолго, как и быстро потерпевшие полное фиаско планы эту грудь хотя бы потрогать. Фомушкина гулять с ним вечерами гуляла, до дома провожать себя позволяла, разговоры разговаривала, помощь свою в усвоении учебного материала предлагала, но не то, что до груди своей допустить, она даже и поцелуев с Кузьмой, похоже, не планировала. Ну, или рассчитывала на более длительный и упорный приступ со стороны ошалевшего поначалу Вована. Он же дураком не был, довольно быстро раскусил ее хитрые пионерские планы и, разочарованный до глубины души женским коварством, отношения с ней прекратил, с видом опытного ловеласа рассказывая всем вокруг, что она ему, дескать, надоела — прилипла к нему, понимаешь как банный лист! Народ слушал, кивал, но, в основном, в его версию не верил, зная его в этом плане совсем с другой стороны.

— Ладно, идем, — решительно кивнул Кузьма. — Хоть посмотрю, что у них там интересного. А если что — я схвачу стул и буду прикрывать твой отход.

— Стул не понадобится, — усмехнулся Егор, чувствуя, как внутри разливается азарт охотника. — Главное — не дрейфить. Забыл, кто идет в девятый? — Одни ботаны, нормальные пацаны уходят после восьмого.

Егор еще не знал, что этот декабрьский вечер станет точкой невозврата, за которой его детство закончится, а начнется нечто такое, о чем позже, спустя сорок с лишним лет, он будет вспоминать как об упущенном волшебном шансе, подобного которому в его жизни ничего и близко не было. Первая любовь подкралась незаметно, со всей ультимативностью переходного возраста.

Глава 3. Метафизика женской жалости

Оля Лаврентьева, которой, вопреки твердой уверенности Егора Соколова, семнадцать лет еще не исполнилось (хотя до заветного дня рождения оставалось всего ничего), невзирая на этот формальный факт, полагала себя человеком достаточно взрослым и вполне самостоятельным. А кто, скажите на милость, в этом возрасте думает о себе как о ребенке? В шестнадцать-семнадцать лет ты уже кажешься себе сложившейся личностью с богатым жизненным багажом, а тридцатилетние тетеньки и дяденьки видятся глубокими стариками, чей поезд давно ушел.

Однако случилось так, что Ольга никогда ранее не слышала о том странном и необъяснимом серьезной академической наукой феномене, когда женщины влюбляются в тех, кого искренне жалеют. Объяснениями такой «несерьезной» дисциплины, как психология, в позднем СССР никто особо не заморачивался, а о людях с эмоциональной амплитудой зрительного вектора и знать не знали. Потому особенности сложной, противоречивой и порой совершенно алогичной женской природы Оля постигала исключительно опытным путем, методом проб, ошибок и внезапных озарений.

Ни в школе, ни дома об интимных движениях души не распространялись, ограничиваясь целомудренными пестиками и тычинками на уроках ботаники. Мамы и учительницы, видимо, разумно полагали: раз их самих в юности никто ничему «такому» не учил, то нечего и ребенку голову всякой пошлой ерундой забивать. Придет время — сама все поймет, переболеет и разберется, набивая собственные шишки, как физические, так и сердечные. Так оно, в общем, испокон веков и получалось — через тернии чувственного опыта к звездам житейской мудрости.

Но, помимо школы 1 имени того самого, вечно живого Владимира Ильича Ленина, которую Оля уже заканчивала, была еще и другая школа — школа жизни. Уроками в ней служили собственные оплошности, из которых по умолчанию предполагалось извлекать выводы. Схема классическая, озвученная еще «нашим всё» Александром Сергеевичем: «опыт — сын ошибок трудных». Или, как иронично подметил один известный американский писатель: «Кошка, однажды усевшаяся на горячую плиту, больше никогда не сядет на горячую плиту. И на холодную тоже».

А случилось вот что. Случай был для нее совершенно неординарный, хотя, если подумать, и закономерный — первый в своем роде казус, повлекший за собой цепочку удивительных последствий.

Однажды Ольга с мамой, сопровождая ту по мягкому, но не терпящему возражений ее указанию, за какой-то надобностью зашли в районную больницу, — что-то там маме было нужно. Причина визита вылетела у Оли из головы почти мгновенно, вытесненная резким запахом того специфического тоскливого «больничного» духа, от которого всегда немного зудят зубы и хочется побыстрее выйти на свежий воздух. И вот там, в приемном покое, среди выкрашенных казенной масляной краской стен, они встретили мамину старую знакомую с сыном.

От нечего делать Ольга исподтишка принялась его разглядывать. На первый взгляд парень показался ей ровесником. Это уже значительно позже она узнала, что зрение ее подвело: мальчишка был младше на целых два класса и почти на два года. Ну, ладно, пусть на полтора, не суть. Однако, как пел в то время с хриплым надрывом Владимир Высоцкий, было уже поздно. Механизм первой любви, как выяснилось, был уже запущен.

Из разговора родителей выяснилось: парнишка пришел ложиться «под нож» — на операцию, то ли аппендицит, то ли еще какая досадная неприятность со здоровьем. Парнишка был симпатичный, чего уж там, это она мгновенно подметила. Девичье сердце дрогнуло в первый раз — пока еще робко, сомневаясь, как бы пробуя почву. Первое, что поразило Ольгу, было

выражение мужественного безразличия на его симпатичном лице — так ей тогда привиделось. Это был второй, уже более уверенный сердечный толчок.

Будучи женщиной (пусть и в переходном возрасте), Ольга тут же окончательно решила: он наверняка в душе смертельно боится. Да и кто вообще не боится, когда резать будут именно тебя, а не соседа по парте? Ни о какой лапароскопии в те суровые времена еще и не слышали, все было по-честному: скальпелем по пузу, и чем разрез больше, тем хирургу удобнее. А что шов огромный останется на всю жизнь, так никто в те далекие и почти уже забытые времена этому значения не придавал. Как, впрочем, и стальным коронкам на зубах.

Но мальчик, хоть и боялся (ну, наверняка же боялся, правда?), держался очень достойно, пусть даже лицо его весьма благородно побледнело. Ну, так тогда Оле показалось или, что вероятнее, она себе это просто придумала для красоты образа (третий толчок сердечной мышцы на этот раз был заметно чувствительнее предыдущих). Она с детства была особой мечтательной и увлекающейся, с большой, можно даже смело сказать — необъятной фантазией. За это порой получала нравоучения от мамы в том смысле, что надо смотреть на жизнь трезво, вместо того, чтобы витать в придуманных девичьих мирах и прочих воздушных замках. Мама была, конечно, права по-своему — по-матерински. Но кто, скажите, в этом возрасте слушает мудрые советы родителей? В этом возрасте, именуемом переходным, поучения родителей кажутся такими далекими от современной жизни, в которой родители, будучи уже людьми явно престарелыми и отсталыми, конечно же, ровно ничего не понимают. Ведь в их молодости все было иначе! Как именно было иначе — никто из молодых этим вопросом не задавался, но иначе было точно.

Это заблуждение с неизбежностью пандемии поражает каждое поколение молодежи, без единого исключения, и проходит, к сожалению, часто лишь тогда, когда что-то изменить уже сложно. А чаще всего — вообще невозможно. Отсюда и народная пословица: если бы молодость знала, если бы старость могла. Народ в своих пословицах всегда очень мудрый и рассудительный, в реальной жизни умеет эти пословицы лишь изрекать с умным видом, но практически никогда ими не руководствуется. Сначала потому, что смысл еще не доходит, а затем — потому что слишком поздно дошел.

Между тем, парнишка ее, казалось, даже не замечал. Он был целиком обращен внутрь себя, готовясь к предстоящему испытанию — возможно, первому серьезному мужскому испытанию в его жизни. И вот тут-то все и случилось.

Четвертый сердечный толчок был просто оглушительным. Оля словно оторвалась от больничного линолеума и поплыла в гулкой тишине среди каких-то белоснежных облаков и розовых воздушных шаров. Кажется, там были еще какие-то маленькие разноцветные птички с золотыми коронами на крохотных головках, девушка уже не присматривалась. В ее воображении беленый потолок приемного покоя вдруг разверзся, обнажая бездонную лазурь, она увидела себя саму, но уже стоящую на палубе летящего по волнам парусника в объятиях этого парня. Мачты пели от веселого ветра, соленые брызги сверкали в лучах яркого солнца, но он уверенно держал штурвал, и она знала — только ее вера в него удерживает этот корабль на плаву. Образы сменяли друг друга с быстротой калейдоскопа: вот он, раненый летчик, из последних сил тянущий рычаг штурвала над ледяными хребтами, а она — его далекая звезда-радиомаяк; вот они заблудились в пустыне, во фляжке остался последний глоток воды, и этот глоток он отдает ей, беззвучно улыбаясь потрескавшимися губами.

Лавина этой жертвенности, этой величественной обреченности на подвиг накрыла ее с головой, вымывая из реальности и маму, и очередь к врачу, и запах йода. Ей вдруг стало его так невыносимо жалко, что на глаза навернулись непрошенные слезы. Он казался ей таким красивым и таким одиноким в этой своей отчаянной борьбе с собственным страхом! И все только для того, чтобы доказать ей, Оле, что она для него важнее всех на свете...

Здесь Ольга невероятным усилием воли остановила поток образов, немного смутившись такого их напора, даже чуть-чуть покраснев и отвернувшись, чтобы никто не заметил, делая вид, что рассматривает какой-то медицинский плакат на стене.

Откровенно говоря, если бы в тот момент кто-нибудь описал Егору его собственные переживания и ощущения в подобных выражениях, он бы, мягко говоря, очень сильно удивился. А говоря проще — он бы офигел от удивления. С его точки зрения, он просто тупо стоял и ждал, пока мама наговорится со своей знакомой, вообще не обращая внимания на стоявшую рядом девчонку и думая о том, что под общим наркозом, как обещал врач, он даже ничего не почувствует, уж аппендицит-то здесь вырезать наверняка умеют.

Но мысли мужчин, даже подростков, порой настолько просты и примитивны с женской точки зрения, что не стоит их вообще принимать во внимание. Главное здесь не то, что там на самом деле чувствовал он, а что за него придумала она. Это и было верным и правильным, вам любая женщина подтвердит.

Ольге вдруг захотелось сказать ему что-то ободряющее или даже (о боже!) обнять его и нежно погладить по волосам, успокаивая и утешая, но, конечно, ничего подобного она делать не стала. Хотя привычное к подобным заскокам воображение девушки уже несло ее галопом (нет, лучше — аллюром, так красивее) в страну девичьей мечты, подгоняемое пубертатной плетью молодого организма. Говоря проще: в своих мыслях она его обняла, погладила и утешила, получив за это его робкий поцелуй и полный восхищения взгляд. Наверное, где-то в другом измерении, где осуществляются все наши мечты, так оно и было.

В глупой же реальности мамы наговорились, обменялись сплетнями и, наконец, разошлись. Ольга, бросив последний, туманный и уже наполю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.